

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343

DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-84-90

ДЕФИНИЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Вадим Игоревич Замараев^{1✉}, Наталья Александровна Никиташина²

^{1,2} Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

¹ vadim.zamaraev.95@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-4820-8516>

² shinan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6239-9449>

Аннотация. Интенсивное правотворчество последних лет привело к появлению большого количества новеллизаций, в том числе в области дефиниций. Не все из них отвечают базовым требованиям законодательной техники, что, в свою очередь, не только создает существенные проблемы правоприменителю, но и влияет на дальнейшую судьбу виновного лица.

В работе выявлены, обоснованы и проиллюстрированы примеры отдельных неудачно сконструированных дефиниций, предложены авторские альтернативные варианты формулировок. Кроме того, в статье определены основные признаки дефиниции, выявлены типичные правовые ошибки в выработке определений, рассмотрены разные группы терминов, которые имеют теоретическое и практическое значение для юридической техники.

Авторами предлагается свое видение способов совершенствования уголовного законодательства в закреплении дефиниций.

Ключевые слова: дефиниции, определение, термин, понятие, уголовное право, законодатель

Для цитирования: Замараев В. И., Никиташина Н. А. Дефиниции в уголовном законодательстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 84–90. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-84-90.

Original article

DEFINITIONS IN THE CRIMINAL LEGISLATION

Vadim I. Zamaraev^{1✉}, Natalya A. Nikitashina²

^{1,2} Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

¹ vadim.zamaraev.95@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-4820-8516>

² shinan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6239-9449>

Abstract. Recent intensive lawmaking has led to a set of novelizations, particularly in defining terminology, that do not always comply with the fundamental requirements of legislative technique. Therefore, law-makers face significant challenges, while convicts' penalties may be influenced by them.

The article detects, substantiates, and illustrates examples of specific poor definitions. The authors propose alternative definitions. In addition, the study determines the main features of a definition, identifies common legal errors made while creating definitions, and describes various types of terms with theoretical and practical value for legislative technique.

The authors suggest their own view on the approaches to advancing criminal legislation in creating definitions.

Keywords: definitions, denotation, term, concept, criminal law, law-maker

For citation: Zamaraev V. I., Nikitashina N. A. Definitions in the criminal legislation. *Surgut State University Journal*. 2023;11(2):84–90. DOI 10.35266/2312-3419-2023-2-84-90.

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость исследования данной темы обусловлена рядом причин. Во-первых, интенсивностью изменений уголовного законодательства, о чем говорят следующие факты: в настоящее время Уголовный кодекс России насчитывает на 143 статьи больше, чем первоначальный вариант; ряд статей подвергался изменениям не один раз (например, ст. 104.1 (Конфискация имущества) – 16 раз); за 27 лет количество составов преступлений выросло более чем на 50 % [1]. При этом не всегда новеллизация уголовного законодательства осуществлялась с учетом юридико-технических требований. Во-вторых, в отечественной науке сложился и по сей день господствует стереотип, согласно которому дефиниции играют в практической деятельности второстепенную роль. В-третьих, в отечественной научной доктрине данная тема не раз поднималась и юристами, и филологами, но ей по-прежнему не хватает комплексных исследований.

Цель исследования – выявить основные нарушения законодательной техники при формулировании уголовно-правовых дефиниций, показать последствия таких нарушений и предложить пути оптимизации.

Указанная цель обусловила необходимость решения следующих задач: проанализировать понятие, сущность и признаки категории «дефиниция», выявить типичные дефекты дефиниций в уголовном праве, определить основные пути повышения эффективности действующего уголовного и смежного с ним законодательства в части формулирования и применения дефиниций.

Научная новизна состоит в исследовании отдельных уголовно-правовых дефиниций как законодательно закрепленных, так и предлагаемых современной научной доктриной, анализе признаков и требований, которым применительно к современным условиям развития отечественной правовой системы должны соответствовать законодательные дефиниции. Как результат, выявлены, обос-

нованы и показаны на отдельных примерах различные дефекты неудачного конструирования дефиниций, предложены альтернативные варианты.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект исследования – нормы уголовного законодательства в их исторической ретроспективе и юридико-технической трансформации.

Методологическую основу исследования составил так называемый герменевтический подход, позволяющий органично использовать современные методы познания, выявленные и разработанные философией, филологией, общей теорией права, отдельными отраслями права, но преимущественно уголовным правом. При подготовке настоящей статьи для анализа конкретных уголовно-правовых дефиниций и выявления законодательных дефектов использовались три группы методов: общефилософские, общенаучные и специально-юридические. Особое внимание уделено анализу (для обработки большого массива нормативной базы), сравнению (для понимания эволюции уголовно-правовой терминологии), а также методам: лингвистическому (для определения этимологии понятий и адекватности перевода иностранной терминологии), системно-структурному (при изучении признаков дефиниций, исследовании однопорядковых явлений, закрепленных с помощью дефиниций, в разных отраслях права), формально-юридическому (для изучения норм уголовного законодательства с позиции требований юридической техники), логическому (при построении логических умозаключений и обоснования авторской позиции), в меньшей степени – историческому и сравнительно-правовому методам.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Терминология выступает одним из средств юридической техники, позволяющим не только точно передавать смысл правовой идеи, но и структурировать текст правового документа. Кроме того, такой текст должен

излагаться в официально-деловом стиле, одним из признаков которого является использование терминологии. Другое дело, что в правовом тексте используются разные группы терминов: общеупотребительные, юридические и специальные неюридические, заимствованные законодателем из других отраслей знаний. Все они выполняют функцию обеспечения такого требования законодательной техники, как компактность текста. Поэтому отказ от терминологии или ее неверное употребление может привести к неоднозначности толкования и отсутствию единой практики правоприменения.

Для эффективного использования исследуемого средства юридической техники необходимо, чтобы используемый термин отвечал определенным неформальным требованиям. Он должен быть кратким – от одного слова до словосочетания, состоящего не более чем из трех слов. Например, преступление, преступное сообщество, организованная группа и т. д.

Кроме того, в качестве термина следует использовать слово или словосочетание, ставшее общеупотребительным (филологи используют для этого термин «частотность»). При этом не важно, является слово отечественным или иностранным. В ряде случаев иностранный термин успевает стать общеупотребительным прежде, чем законодатель предложит отечественный аналог. Яркие примеры – следующие термины: интернет или киберпреступность. В данном случае нет смысла искать русифицированный эквивалент, как и нет необходимости заменять отечественный термин иностранным по причине популярности последнего в определенных кругах (пример, термин «транспарентность»). Более того, при использовании иностранных терминов следует уделить пристальное внимание этимологии слов (пример – термин «арбитраж», который из-за несовпадения отечественного и зарубежного институтов, названных данным словом, до сих пор не имеет однозначного перевода на английский язык) [2].

При образовании законодательного термина немаловажно помнить, что юриспруден-

денция не приемлет синонимии. Так, понятия «должностное лицо» (прим. 1 к ст. 285 УК РФ) и «представитель власти» (прим. к ст. 318 УК РФ), также как употребляемые в указанных статьях, термины «функции» и «полномочия» не тождественны друг другу [3, с. 156]. Более того, законодатель совершает достаточно распространенную ошибку, пытаясь при формулировке определений «должностное лицо» и «представитель власти» объяснить подобное подобным.

Между тем точное установление содержания термина «должностное лицо» имеет существенное значение не только для уголовного, но и для других отраслей права, например, гражданского, по вопросу соотношения обычного подарка и «взятки». В ст. 575 ГК РФ законодатель не использует напрямую термин «должностное лицо», но связывает запрет на дарение подарков с иными понятиями, с одной стороны, отождествляя термины «должность» и «служба», с другой – приравнивая к должностному лицу иных лиц, выполняющих в определенный момент распорядительно-управленческие функции [4].

В нормативных правовых актах следует избегать использования оценочных понятий. Как правило, они не имеют объективного однозначного толкования. Например, понятие «справедливость». Хотя из данного правила имеются такие исключения, как «добросовестное заблуждение», «развратные действия», «пособник», «соучастие», «более мягкое наказание» и др.

Однако сам термин не может существовать без дефиниции, которая так же имеет свои признаки. Так, определение должно не только отражать суть явления, обобщать имеющуюся информацию, быть кратким, но и включать в себя родовые (или видовые) характеристики, а равно общие (объединяющие) и отличительные (позволяющие отграничить) признаки, свойства.

И, напротив, конструируя дефиницию, законодатель должен исключить из нее оценочные, случайные, производные или факкультативные признаки. Так, по мнению

А. М. Смирнова, определение термина «преступление», данное в ст. 14 УК РФ, является избыточным, т. к. включенные в него признаки «виновность» и «угроза наказанием» не всегда выступают как самостоятельные и неизменные [5, с. 417]. В результате автор предлагает следующее определение преступления – «деяние, запрещенное настоящим Кодексом» [5, с. 421].

С одной стороны, суть явления определена им верно. Преступление является юридическим фактом, а именно – деянием, которое законодатель отличает от замысла. Однако с отдельными высказываниями автора мы не можем согласиться. Так, он предлагает отказаться от признака общественной опасности, поскольку тот присущ всем правонарушениям [5, с. 419]. Следуя данной логике, отказаться придется и от признака противоправности, хотя степень общественной опасности преступления на порядок выше, чем степень опасности других правонарушений. Более того, законодатель активно использует выражение «общественная опасность» в УК РФ, в связи с чем изменения придется вносить не только в ст. 14, но и в другие статьи данного Кодекса.

Полагаем, что общественная опасность не подлежит доказыванию, как другие признаки преступления, например, виновность. Вопрос об общественной опасности – это вопрос о мотивах законодателя, установившего, что в один исторический отрезок времени те или иные деяния будут иметь повышенную степень опасности, и потому будут запрещены законом, а в другой исторический период – нет (как это было со спекуляцией, а ныне предпринимательством). Напротив, сохраняя такой признак преступления как противоправность, автор подчеркивает, что речь может идти об указании на преступный характер деяния исключительно в УК РФ, но стоит отметить, что, например, определение коррупции, пусть и не особенно удачное, дается не в УК РФ, а в специальном законе.

В целом, приведенный пример удачно иллюстрирует ранее высказанную мысль,

что дефиниция должна отражать не только отличительные, но и существенные признаки явления, объекта, предмета. Что касается дефиниции, предложенной А. М. Смирновой, считаем ее неоправданно урезанной.

Следует отличать научную терминологию от официальной (нормативной). К примеру, термин «киберпреступность» широко используется в современной науке, однако ни в законодательных, ни в подзаконных актах его нет. Еще одним таким примером является так называемое «интеллектуальное посредничество во взяточничестве», признаваемое еще Пленумом Верховного Суда СССР от 31.07.1962 (до появления Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23.09.1977) [6]. По сути, под ним понимается всяческое содействие (установление контакта, переговоры) лицам, заинтересованным в получении (даче) взятки, кроме самого факта передачи, который заинтересованные лица совершают самостоятельно. До недавнего времени посредничество рассматривалось как соучастие во взяточничестве, что, в свою очередь, создавало сложности в квалификации деяний, ибо соучастие, как правило, поглощало посредничество. Признаваемое на данный момент разграничение не порождает специальной терминологии в законодательстве. Такое разграничение встречается исключительно в научной литературе [7].

Впрочем, несмотря на писанные и неписанные правила юридической техники, ошибки порой имеют место быть. Так, в нормативных правовых актах не место не только наукообразной, но и разговорной лексике.

Безусловно, правильно и четко сформулировать дефиницию не так просто, как может показаться на первый взгляд. Даже профессионалу для этого может потребоваться время и апробация на практике. Поэтому чаще всего законодатель предлагает не описательные (казуистические), а перечневые формы определения понятий. Ярким примером такой дефиниции выступает определение коррупции, данное в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции», представляющее собой перечень деяний, отнесенных законо-

дателем к коррупционным [8]. Считаем, что такой подход приводит не только к появлению тяжеловесных дефиниций. Законодатель не всегда может предложить исчерпывающий перечень, а открытый перечень часто ведет к необоснованному расширению толкования со стороны правоприменителя. Предлагаем более короткий вариант дефиниции с использованием отсылочного приема изложения текста: «совершение деяний, указанных в ст. ст. 201, 204, 285, 286, 290, 291 УК РФ и выражающихся в любом незаконном использовании должностным лицом своего служебного положения в целях получения благ имущественного характера для себя или третьих лиц, равно как и незаконное предоставление таких благ должностному лицу физическими и юридическими лицами».

Другой проблемой являются определения составных понятий, возникающих из соединения нескольких слов, одно из которых – главное, обозначающее предмет (явление, процесс), а второе – зависимое, уточняющее существенные характеристики этого предмета. Например, «обоснованный риск», «условное осуждение», «мелкое взяточничество», «значительный размер» и т. п. В таких случаях законодатель должен либо изначально определиться с содержанием главных слов, либо, если значение главных слов ранее определено в иных актах или их значение не отличается от общепринятого, дать однозначное определение сложному словосочетанию, уточнив параметры зависимых слов.

Так, можно дать определение ночного времени суток, не поясняя, что законодатель подразумевает под «временем суток», поскольку понимание данного термина не отличается от общепринятого. Однако неразумно отказываться от определения необоснованного риска, не предлагая взамен ни самого понятия риска в уголовном праве, ни критериев, позволяющих правоприменителю отличить обоснованный риск от необоснованного.

Здесь считаем необходимым еще раз напомнить следующее: чем научная терминология отличается от терминологии, использу-

емой в нормативном правовом акте. В науке относительно одного вопроса может быть несколько точек зрения, каждая из которых имеет право на существование, в нормативном правовом акте понимание терминологии должно быть единообразным. Поэтому отсутствие дефиниций в нормативном правовом акте (правовой пробел) не всегда может быть восполнено путем обращения к научной доктрине, особенно в уголовном праве, где аналогия права не применяется.

Конечно, нет смысла давать определения всем понятиям, используемым в законе, как это сделали разработчики Водного кодекса 1995 г., закрепившие в нем взятое из словарей понятие воды [9, с. 67]. Общеупотребительные слова, значение которых не меняется, нет смысла пояснять обывателю. В то же время специальная неюридическая терминология, значение которой в юриспруденции отличается от значения термина в «родной среде», как и специальная юридическая терминология, значение которой меняется в зависимости от отрасли права, подлежит конкретизации путем закрепления в законе искомых дефиниций.

Так, например, в 2016 г. законодатель ввел в УК РФ такую новеллу, как «судебный штраф» (ст. 104.4 и ст. 76.2), но учитывая, что и обычный штраф назначается судом, не пояснил, чем указанные виды штрафов отличаются друг от друга. Если штраф выступает как мера наказания, то судебный штраф – это то, что освобождает виновное лицо от уголовной ответственности, но на вопрос, что представляет собой судебный штраф, по сути (условие, основание, исключение из правил), и как он соотносится с уже имеющейся в уголовном праве системой координат, законодатель ответа не дает.

Не раскрывает законодатель в УК РФ и содержание понятия «состав преступления», хотя сам термин активно использует, например, в ст. 8 УК РФ указано, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления.

В научной доктрине данное понятие, конечно, не является чем-то новым или малоизу-

ченным. И в частном праве, где на помощь законодателю всегда придет научная доктрина, а с ней и аналогия права, подобный пробел не являлся бы существенной проблемой, но в уголовном праве действует иной принцип, требующий от законодателя фиксировать подобные детали непосредственно в УК РФ.

Соответственно, из этого следует, что качество судопроизводства, отношение населения в целом и в частности к правосудию, а также к государственной власти во многом зависят от качества правотворчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, поставленные в начале исследования задачи выполнены, а цель достигнута.

Как показал анализ действующего уголовного законодательства, типичными дефекта-

ми правовых дефиниций являются: двусмысленность и расплывчатость формулировок, отсутствие существенных признаков, избыточная детализация или, напротив, излишняя абстрактность изложения, тавтологичность, нарушение логики. Основная причина указанных дефектов кроется в несоблюдении базовых правил и требований законодательной техники на уровне правотворчества.

В данном исследовании мы остановились на отдельных, наиболее ярких примерах неудачных дефиниций для иллюстрации своих теоретических рассуждений и умозаключений. Безусловно, проведенное нами исследование не носит исчерпывающий характер. Так, было бы не лишним в дальнейшем провести анализ актов судебного толкования, позволяющих восполнить пробелы, оставленные законодателем на уровне конструирования дефиниций.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023), (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.04.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Попкова Е. М. Arbitrazh vs arbitration: терминологические ловушки в русско-английском переводе реалий российской судебной системы. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/ne470z9989/77650345.pdf> (дата обращения: 24.02.2023).
3. Середин А. А. Дефиниция «должностное лицо» в уголовном праве: внутренние противоречия // Сборник научных трудов сотрудников Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2018. С. 155–159.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. II : федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Смирнов А. М. О дефиниции понятия «преступление» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 417–423.
6. Калатоzi Д. Г. Посредничество во взяточничестве: проблемы теории и правоприменения // Политика, государство и право. 2012. № 8. С. 72–75.
7. Яни П. С. Посредничество во взяточничестве: начало и окончание // Законность. 2014. № 12. С. 23–29.
8. О противодействии коррупции : федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (последняя редакция) //

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on April 14, 2023), (with amendments and additions, came into force as of April 14, 2023). Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954. Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". (In Russian).
2. Popkova E. M. Arbitrazh vs arbitration: terminologicheskie lovushki v russko-angliiskom perevode realii rossiiskoi sudebnoi sistemy. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/ne470z9989/77650345.pdf> (accessed: 24.02.2023). (In Russian).
3. Seredin A. A. Definitisiia "dolzhnostnoe litso" v ugovnom prave: vnutrennie protivorechiia. In: *Collection of scientific works of staff at Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia*. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia; 2018. p. 155–159. (In Russian).
4. Federal Law of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on July 1, 2021), Civil Code of the Russian Federation. Pt. II. Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410. Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". (In Russian).
5. Smirnov A. M. On the definition of the concept of crime in the Criminal Code of the Russian Federation. *Russian Journal of Criminology*. 2018;12(3):417–423. (In Russian).
6. Kalatozi D. G. Posrednichestvo vo vziatocnistve: problemy teorii i pravoprimereniia. *Politics, State and*

- СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6228. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Исаков В. Б. Языковой аспект // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 64–77.
7. Yani P. S. Intellectual mediation bribery: Start-up and ending. *Zakonnost*. 2014;(12):23–29. (In Russian).
8. Federal Law “On Anti-Corruption” of December 25, 2008 No. 273-FZ (last revision). Collection of legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52. Art. 6228. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
9. Isakov V. B. Iazykovoi aspekt. *Iurislingvistika*. 2000;(2):64–77. (In Russian).

Информация об авторах

В. И. Замараев – старший преподаватель.

Н. А. Никиташина – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Zamaraev – Senior Lecturer.

N. A. Nikitashina – Candidate of Sciences (Law), Docent.